

Борис Базарнов

Солнечные
блики

КНИГА СТИХОВ

16+

Борис Александрович Базарнов

Солнечные блики. Книга стихов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48578459

SelfPub; 2019

Аннотация

Стихи – это солнечные блики в потоке нашей жизни с её радостями, печалью и горестями. Они высвечивают только отдельные моменты этой жизни, передают душевные переживания и настроения. Стихи этой книги имеют разную эмоциональную окраску, но в них есть общее чувство, что жизнь продолжается.

Содержание

Заря	6
Стихия	8
Неповторимость	10
О памяти	12
Жизнь и смерть	14
Наука и жизнь	15
Смотреть и видеть	18
Художник-ювелир	20
Художник-портретист	23
Парадокс	25
Просьба	26
Поэт	27
Последний поэт	29
Мы все поэты	30
Тайна слов	32
Голос и стих	33
Пень	35
Гражданская совесть	36
Мамины цветы	37
Дерево	39
Стрижи	40
Хайку	41
Салат	43

Наблюдения	45
Не болейте гриппом	47
Бассейн	49
Начало весны	51
Апрельское	52
Майское	53
К морю	54
Истома	56
Я – новый Робинзон	57
Спешим	59
Тревога	60
Стыд	62
Страх	64
Урок	65
Выдержка	67
Наставление	68
Контрасты осени	69
Синий ветер	70
Весна	72
Лето	73
Осень	75
Кировоградские пруды	76
Живая музыка	79
После дождя	80
Луч надежды	81
Зимнее настроение	83

Весеннее настроение	85
Летнее настроение	86
Осеннее настроение	88
Стеклянные отношения	90
Ласковой будьте	91
Красавицы	93
Венец совершенства	94
Зелёное	95
Золотое	96
Рассказ пилота о катастрофе	98
Своя кривая колея	137
Благодать	139

Заря

Вмёрз воздух в стужу января.

Закаменелая земля покоится под хрустким снегом.

В полнеба бледная заря.

Столбы дымов из труб над избами под серым скучным небом.

Всё тихо, пусто с самого утра.

В такой мороз не тянет расставаться с печкой.

Дню заискриться, засиять пора,

Да, видно, силы спят над скованною речкой.

Лишь путник, одинокая душа,

В санях по зимнику скользит, картину оживляя.

Его лошадка трусит, не спеша.

Безмолвие вокруг от края и до края.

Наш север – это тихая печаль.

Заря не может здесь зимой раскрыться полным светом.

И всё же, расставаться с нею жаль,

Хотя счастливым быть могу я только летом.

Тогда я чувствую, что всё живёт вокруг,

Но спит до времени под тихим звездопадом,
Пока зари не заалееет полукруг
Над милой речкой и раскинувшимся садом.

Ещё чуть брезжит свет. В блаженство и покой
Погружено всё, что сейчас проснётся.
Такой возвышенный, торжественный настрой
В другое время сердца не коснётся.

И с первым петушиным голоском,
И с оживлённым в куцах щебетаньем,
И с заискрившимся в росинках колоском
Уходят в никуда сердечные страданья.

И счастьем полнится открытая душа.
Заря несёт надежду обновленья.
И вот, чудесное явление верша,
Приходит радостное жизни пробужденье.

Стихия

И вновь всем нам урок преподнесла
Слепая, неразумная стихия:
Десятки, сотни жизней унесла,
Затмив собой события иные.

Вихрятся небеса, и дышит океан,
Дробятся волны, берег разрушая.
Останутся потом следы тяжёлых ран
И светлого песка полоска золотая.

Залижут раны время и вода.
Лишь фотоснимки сохранят мгновенья.
И камешки, нарытые тогда,
Напомнят – это было, без сомненья.

Событие одно, но разная судьба
Всего того, что люди сохранили.
Хоть память наша, к счастью, слаба,
Но кое-что мы всё же не забыли.

Найдёшь случайно камушек в столе
И вспомнишь разрушительное время.

И памятники в камне и стекле
Несут наших утрат нелёгких бремя.

Все мучаются, трудятся, творят,
Но и над ними властвует стихия.
Одни, как камешки, пока лежат,
Им уготована надолго летаргия.

Другие вихрем ввысь вознесены.
И, кажется, они-то век пребудут.
Глядишь, и их творенья сметены,
А камешки найдут и не забудут.

Неповторимость

Вернуться в прошлое нельзя.
И даже мысленный возврат –
Уже совсем не та стезя,
Идти которой был бы рад.

Нам остаётся сожалеть:
Не всё успели и смогли,
А что-то и не смели сметь,
Кого-то не уберегли.

Но всё, чем жизнь полна сейчас,
Это – сплетение судьбин.
И те, кто окружают нас,
Произрастали из глубин.

Возник не мыслимый клубок
Случайных встреч и расставаний.
И этот дивный колобок
Бежит, не зная расстояний.

Так в чём же ценность бытия?
В неповторимости пути.

Ну, как смогу отринуть я
Всё то, что удалось пройти.

О памяти

Завидовал я тем, чья память, как капкан,
Легко и на лету всё схватывает цепко.
А мне сей дар небес, с рожденья, не был дан.
В учёбе потрудиться приходилось крепко.

От информации так пухла голова;
Её нести, как чашу полную, – мученье.
У тех же – сами льются нужные слова.
Для них учение не труд, а развлечение.

Но в информатике наметился прогресс.
И я увидел, что дела не безнадежны.
Забылся сессионный этот жуткий стресс.
А блоки памяти теперь уже надёжны.

И главное сейчас не что-то сохранить
В отчётах, головах, иль в электронном чипе,
А для чего, и как, всё это применить,
Как разобраться нам во всё растущей кипе.

Ведь память удалось безмерно нарастить.
Теперь настал черёд, чтоб выросла смекалка.

Но будет ли тогда нам интересно жить?

Утраты тех страстей, не будет ли нам жалко?

Жизнь и смерть

Из небытия появляются люди,
И в небытие исчезают опять.
Так было всегда на земле, и так будет.
Но смерть никому не дано осознать.

Уходят, оставив нам мир изменённым.
Где были они, там теперь пустота.
Надолго останется нерв оголённым.
Боль стихнет потом, но жизнь станет не та.

Останется в памяти только хорошее.
Их образы будут сердца защищать.
Затем и впечаталось так это прошлое,
Чтоб нам не пришлось всю-то жизнь горевать.

Наука и жизнь

Что говорить о суетности века,
На безысходность, нищету кивать,
Когда хаос в сознание человека
И он с собой не может совладать.

Крепки и многомерны жизни связи.
Запутался он; ужас, как паук.
Взглянуть на мир без пошлости и грязи
Поможет нам собрание наук.

И первая, конечно, – медицина.
Она вскрывает сущность изнутри.
Её, как безотказную вакцину,
И как рентген, используй и смотри.

Затем идут и точные науки:
Всё взвесят, всё измерят, всё сравнят.
И астрономы, вовсе не от скуки,
За звёздами без усталости следят.

А звёзд на небе больше, чем песчинок
На всех песчаных берегах Земли.

Такую вот вселенскую картину
Открыть науки точные смогли.

Но как бы они порознь не старались,
Всё охватить не смогут никогда.
Философы за ум покрепче взялись,
И разобрались быстро, как всегда.

Всё оказалось, до смешного, просто.
Ведь наше человечество растёт.
Естественно, что есть издержки роста.
Сумятица со временем пройдёт.

Потом, когда начнётся угасанье,
Она уже не будет так терзать.
Незнание уступит пониманью,
Что надо просто жить и не роптать.

Политики мысль эту подхватили
И по живому ну давай кромсать.
Мол, «Надо», всем нам ясно объяснили,
И дальше будут так же объяснять.

Но, как всегда, блаженны те, кто верят.
Они попали в добрую струю.
И пусть науки где-то, что-то мелят,

Они и здесь уже почти в Раю.

Смотреть и видеть

В курортном клубе был заполнен зал.
Известный кутюрье наряды представлял.
Звучала музыка, и платья шелестели.
Казалось, девушки над публикой летели.

Средь публики одна семья сидела,
На подиум во все глаза глядела.
Малыш курчавый, сидя рядом с мамой,
Считал шаги у тёти длинной самой.
А мама мысленно наряды примеряла
И кое-что уже на этот счёт смекала.
Супруг её на девушек смотрел
И ни одной хорошей не узрел.
А дед страдал: «Как девки отощали!»
Бабуся охала: «Ох! Как бы не упали.
На этих шпильках ноги-то свернут поди-ка».

Парад закончился под песню «Эвридика».
Все были здесь. Смотрели все одно,
А, как всегда, увидели разно.

А наш поэт, как всё воспринимал?

Мне кажется, он даже задремал.

Художник-ювелир

Художник-ювелир трудился день и ночь,
Не в силах страсть свою к искусству превозмочь.
Пора бы отдохнуть – спина закаменела,
Рука творца от напряженья онемела.
Но был недостижим искомый идеал.
Он перед взором мысленным, как свет звезды, сиял.
Когда же глаз устал и весь слезой залился,
Художник смежил взор и странным сном забылся.

Ему представился во сне огромный зал.
Во весь большой экран жук скарабей сиял,
Усыпанный ста девятью камнями,
С бездонными зелёными глазами.
На каждом камне граней нет числа.
Фантазия творца природу превзошла.
По залу хаотично двигался народ
И путал его мыслей стройный ход.
Какой контраст художник наблюдал
Между толпой и тем, что он создал.

Нет, не создал, ещё лишь создаёт.
И эта мысль набатом в сердце бьёт.

Очнулся ото сна и за работу снова
Принялся он с усердием Иова.
И так вот день за днём, почти не ест, не спит.
Над будущим шедевром трудится, корпит.

Но всё имеет и начало, и конец.
Откинулся в изнеможении творец.
Шедевр уже готов. Пора и показать.
Народу тьма пришла. Не надо было звать.
Был тайною покрыт предмет его труда,
Но ожиданье чуда нас томит всегда.
Откинут полог, видят стойку с окуляром.
Но где ж шедевр? Молва ведь шла не даром.
Тут кто-то из толпы к глазкам на миг приник.
И вдруг по залу пролетел его восторга крик:

– Творение же здесь, только мало оно!
Размером скарабей с пшеничное зерно.

Не нам судить, зачем же он творил,
Потратил столько дней и столько сил.
А жук лежит и нам почти не виден.
Удел творца так часто не завиден.
Большой талант в столь малое ушёл,
Иль в малом он великих превзошёл.

Покрѣто тайною искусства волшебство.
И мастерство в нёмъ есть, и божество.

Художник-портретист

Художник никогда не лгал,
Чей бы портрет он не писал.
Душа в портрете оживала,
А он писал людей не мало.

Руке и кисти всё подвластно.
Но тут трудился он напрасно.
И в этом не его вина –
Душа девчухи тайн полна.

Она притягивает взор,
В ней и весёлость, и задор,
И любопытство, и вопрос
В глазах, из-под копны волос.

– Ну что ты, дядя, там корпишь
И, щурясь, так смешно глядишь,
Кривишься кисло то и дело?
А мне уже здесь надоело.
Там в мяч играют во дворе,
А я сажу здесь на ковре.

– Сдаюсь! Тобою – побеждён, -
Художник молвил. – Я смешон.
Не в силах душу передать.
Беги к друзьям своим играть.
А мне поразмышлять пора
Над неудачей маляра.

Художник сник. Портрет молчит.
Смех детский за окном звенит.

Парадокс

В Коломенском, на взгорке, за кустами
Сидят художники, колдуют над холстами,

Кто мастерски, а кто и неумело,
Но все ведут себя уверенно и смело.

И то не важно, кто и что намалевал,
От зрителей все удостоились похвал.

Ценили ведь не результат творенья,
А их благое сердца устремленье.

В художниках всё видится родное,
А вот о стихотворцах слышал я иное:

– Поэтами лишь избранные были,
А остальные лучше бы уж пили,
Чем рифмоплётством, даже искренним, грешили.

Просьба

В стихах не умножай печаль.
Оставь её другим поэтам.
Лети в струящуюся даль
За счастьем, радостью и светом.

Лови предутренний туман,
Торжественность и ширь рассветов.
Вдыхай таинственный дурман
Прекрасных полевых букетов.

Ступи в журчащий ручеёк,
Почувствуй ласковость песчинок.
Смотри, как чуткий паучок
Застыл в сплетенье паутинок.

В природе ведь печали нет,
А есть гармония движенья.
Вот ей и посвети сонет,
Вложи всю силу вдохновенья.

Поэт

Ушёл от людей он с желаньем творить,
Хотя и не сладко отшельником жить.

Бумаги три пачки есть, только пиши
Вдали от сует, в первозданной тиши.

Но тишью казалось тут всё до поры,
Пока не заели его комары.

К тому же, днём жарко и капает пот,
А ночью не спится и холод берёт.

Но, если отринуть все эти проблемы,
Какие в природе рождаются темы:

О солнце, о звёздах, о той же луне,
О том, что привидится может во сне,

О шуме берёз, шелковистости трав.
Сто раз всё описано. Критик здесь прав.

Ведь пишут совсем не о них, о себе.

Они лишь участники в нашей судьбе.

Они выявляют стиха существо.

Без них, что описано, было б мертво.

И эта природа одушевлена,

И чувствует вместе с поэтом она.

Как мир, многолика живая среда.

А нам от себя не уйти никогда.

Последний поэт

Что в этом мире есть, то всё уже воспето
В прекраснейших стихах талантливых поэтов.

По темам в Интернет стихи порассовали.
Кому понадобятся – раз, и всё достали.

Вам надо про разлуку?
Вот вам – тысяч двести:
Все разновидности разлук.
Всё – честь по чести.

Зачем в подушку слёзы лить, всю ночь терзаться,
Когда есть лёгкий путь, нам надобно признаться.

К тому же, лучше ведь никто и не напишет.
О новых чувствах вряд ли кто теперь услышит.

– Поэзия закончилась, поэтов больше нет! -
Сказал и зарыдал один подвыпивший поэт.

Мы все поэты

По жизни, мы ведь все поэты.
Осознаёт не всякий это,
И, если он не идиот,
То хоть мечта-то в нём живёт.
А коль в мозгах мечта витает,
Поэт он, пусть того не знает.

Расцветившая жизнь мечтой,
Поэт уносится душой
В прекрасно-сказочные дали,
Забыв про руль и про педали,
Пока не стукнется о быт,
Который твёрже чем гранит.

Мечта цела и будет жить,
А быт – нещадно будет бить.

Поэт в быту всегда страдает.
Над ним всю ночь мечта летает.
Он силится её схватить
И в стих, хотя бы, воплотить.
Но тщетны будут все усилья.

Нельзя поймать мечту за крылья.

Поэт в стараньях обречён.

Вот потому страдалец он.

Тайна слов

Не сочинявшие стихов,
Не чувствуя к тому призванья,
Мы уловили тайну слов
В их мелодичном сочетании.

Они во мне всегда звучат,
Они – эфир, которым дышим.
Нет жизни там, где он изъят.
Повсюду жизнь, где песни слышим.

Прожить без песен, без стихов,
Мне кажется, и невозможно.
Ни дня жить так я не готов,
Да, и представить это сложно.

Голос и стих

Да!.. Голос дивный всех потряс!

И это не фигура речи.
Звучит в ушах он и сейчас,
От силы звука гаснут свечи.

Он задаёт сердечный ритм,
Стесняет вздох, волнует душу,
Как море зыбкое пленит.
Его готовы слушать, слушать.

Он здесь родился, здесь угас,
Летучий, как живое время.
Он нас явлением потряс,
Как глас небес, пронзая темя.

Путь к сердцу у стиха длинней.

В уединении рождённый,
Он выстрадан в тиши ночей
И, молча, ждёт нас отстранённый.

Не просто нам его найти.
Чтоб он не умер не прочтённый,
Нам надо взором в стих войти,
Увидеть мир в него вмещённый.

А дальше – власть твоя. Веди!
Захватит нас воображенье,
Займутся всполохи в груди,
И потрясёт сердцебиенье.

Пенье

Случалось мне, услышав чьё-то пенье,
Почувствовать душевное волнение
И голоса божественную власть.

Наука в этом не разобралась.
Стремясь измерить всё и объяснить,
Тот голос может так распотрошить,
Явив гармоник весь диапазон,
Что тайной силы будет он лишён.

Не разум правит нами здесь, а чувства.
Таков закон воздействия искусства.
Ему подвластны даже короли.
А пенье – чудо матушки земли!

Вот голос стих, и слёзы утерев,
Мы возвращаемся с небес в наш хлев.

Гражданская совесть

Стихи на листочках, лежащих в столе,
Как клад недоступный, зарытый в земле.

Гражданская совесть поэта зовёт
Направить их в люди, в свободный полёт.

Пусть люди увидят их, может, прочтут,
А иначе, эти творенья умрут.

А так, будут жить, и доступны всегда,
И значит, они не умрут никогда.

Поэта не будет – стихи будут жить.
Не надо в столах их безвестных хранить.

Мамины цветы

Наш дом украшали цветы
Всегда и везде, где б ни жили.
То мамыны чудо сады
Росли вместо мертвенной пыли.

Ведь знала она, что уйдём,
Уедем на новое место.
И что будет с садом потом,
Ни нам, никому не известно.

Но нас окружали всегда
Фиалки, нарциссы, герани.
Несли аромат резеда
И флоксов ночное дыханье.

Дивились соседи на дом.
Здесь всё закипало цветами.
У них выходило не то,
Признаться должны были сами.

Цветы ощущали любовь
И нежное пальцев касанье.

И вот люди видели вновь
У дома цветов ликование.

Дерево

Вот дерево, как символ постоянства.
Оно от нас вовеки не уйдёт.
Собой украсит голое пространство.
И без него никто здесь не живёт.

Оно вросло в земную твердь корнями,
А кроной подпирает небеса.
И под его могучими ветвями,
Как в сказке, все возможны чудеса.

Оно воспринимает нас, как друга:
Укроет, успокоит, силы даст,
Исполнит роль спасательного круга,
Не бросит, не изменит, не продаст.

Картина эта всякому знакома,
Кто по Руси проедет ли, пройдёт,
У каждого ухоженного дома
Берёза или яблоня растёт.

Стрижи

Стрижи не могут в клетке жить.
Им мало солнца и пространства.
Они привыкли в небе плыть,
Вбирая свежий воздух странствий.

Они проносятся стрелой,
Блаженствуя в небесной сини.
И возвращаются с едой
В гнездо к птенцам в их дом стрижиный.

Те, оперившись, взмоют в высь,
И будут жить там два-три года.
Стрижи над миром вознеслись.
Они, среди птиц, сама свобода.

Хайку

расщелина, осыпь и мрак,
цветы на краю этой бездны,
утроба земли

плоть человека,
внутренность, скальпель, хирург,
нимб с того света

мерцание звёзд,
созвездие Девы, песок,
купальщиц следы

риск, о квартире мечта,
банк, ипотека, кредит и расплата -
жизнь, о верёвке ни слова

пятна масла, гаечный ключ,
склон крутой, машина в кювете,
горы, море, вид навсегда

плетёная шляпа и трость,
очки, неподъёмная сумка

с журналом «6 соток»

причал в две доски,
рыбацкая лодка на глади пруда,
закат, силуэты

Салат

Салат – естественная пища.
Король среди известных блюд.
Здоровье в нём себе отыщет
Простой отечественный люд.

Недаром есть у нас примета:
Исходит сила от земли.
А здесь в салате всё от лета,
Всё, что собрали, сберегли.

Капустки мелкая шинковка.
Кружочки лука и перо.
Конечно, сладкая морковка.
Зелёной россыпью укроп.

Про яблоки забыл совсем я.
Без яблок будет бедный вкус.
Готовлю их, как для варенья,
И пересыпать не боюсь.

Редиска, репка, помидоры,
Горошек нежный и чеснок.

Из разной зелени узоры.
И свёклы сочной завиток,

В виде цветка, а центре можно
Грибок поставить из яйца.
Всё это сделать так не сложно...
Но что за вид без огурца?

Его нарезали продольно
И уложили, как лучи.
Здесь фантазируешь невольно,
Твори, любуйся, и молчи.

Конечно, можно это чудо
Слегка по вкусу подсолить.
Уже почти готово блюдо,
Осталось маслицем облить.

Этот салат едят с грибками.
И с простоквашей можно есть,
И с творогом. Решайте сами.
Король на троне! Можно сесть.

Наблюдения

Реален мир, и нам с тобой
Всё это отрицать негоже...
Ударил по руке рукой.
Что чувствуешь ты? Боль!? Я тоже.

* * *

Так поступила бы свинья,
Как это сделал нынче я!

* * *

Покой в душе моей – ни радости, ни слёз.
Лишь к небесам бесстрастный взор мой тянет.
Но сколько б ни упало в небе звёзд,
Желанием ни одна из них не станет.

* * *

Туча грустной собакой
Месяц сморщенный гложет.

* * *

Наша жизнь, как море, вечных тайн полна.
Ходит на просторе зыбкая волна.

И никто не знает, впереди что ждёт:
Иль полет на гребне, иль пучина вод.

* * *

Богатство трудного пути –
Вот, что мы можем обрести.

* * *

Уходит последний из прожитых дней,
Медленно в сумерках тает.
Ему не поможет свет фонарей -
Ночь наступает.

Не болейте гриппом

Не болейте гриппом, пожалуйста.
Говорю, потому что болел.
Он меня придавил безжалостно,
И тогда я совсем ослабел.

Организм мой, хоть и не стар ещё,
Обессилен был этой борьбой.
И в борьбе не помогут товарищи,
Кто бы не был тут рядом с тобой.

Этот грипп, как шпион, проникает
Через всякий надёжный кордон.
От него ничего не спасает,
Вот и ждём – не подохнет ли он.

Грипп меняет обличье, повадки.
От прививок один только вред.
Что же мы получаем в осадке?
Как себя отодвинуть от бед?

Физзарядка, закалка и прочее –
Лишь подспорье в борьбе со врагом.

Есть в народе такие охочие,
Что бежали от гриппа бегом.

Говорят – его жар убивает.
Он не может ютиться в парной.
И кто долго в парной пребывает,
Тот здоров и по сей день живой.

Бассейн

Запас могучих водных сил,
Кристалл, сверкающий во мраке.
Бассейн! Его я посетил.
Кто скажет – хлорка здесь, – то враки.

Стесняясь хилости своей,
Я робко окунулся в воду.
О, Боже! Я среди людей,
Познавших радость и свободу.

Они парят, и я парю
В пространстве водном, полным света.
И всем вам честно говорю:
– Парить средь струй – блаженство это!

Я вылез – человек другой,
Обретший дух и крепость тела.
Теперь попариться в парной
Мне надо, чтобы сердце пело.

Когда сошёл десятый пот,
Я снова окунулся в воду.

Кто не был здесь, тот не поймёт,
Как можно годы сбросить сходу.

Отныне старость не страшна.
Всегда я молод, светел духом.
И вот в бассейн идёт жена:
– Не быть же рядом с ним старухой.

Начало весны

Как солнышки, румянятся блины.
Нам нравится такой приход весны.

Капризная, то вдруг теплом пахнёт,
То, обнадёжив нас, к утру уйдёт.

Глядь, за окном зима. А где ж она?
Не только кошкам, всем тут не до сна.

Но радуют нас ранние лучи.
В лесочке тихо, дятел не стучит.

И комната вся светом залита.
Искрится снег, такая красота.

И, как бы ни пощипывал мороз,
Не избежать на днях сосулёк слёз.

Апрельское

По пояс снег. Деревья спят,
Хотя апрель, и солнце блещет.
Ребята с криком с гор летят.
Одна гора другой похлеще.

Вот-вот теплом дохнёт весна.
Растает снег, и хлынут воды.
Природе будет не до сна.
Теплу возрадуются всходы.

И нам не в тягость жизнь сама, -
Протянем мы ещё годочек.
Дела найдутся, дел ведь тьма.
Порадуем внучат и дочек.

Майское

Май выдался светлым и чистым.
Сквозь зелень – промытая синь.
Встречает лес радостным свистом.
Всё – праздник. Дождались теплынь.

И шорты, и майки до срока
Надела везде детвора.
И зоркое бабкино око
Замлело на солнце с утра.

Не долго такая погода
Продержится в мае. А нам
Всё в радость, что дарит природа.
Не будем вести счёт денькам.

Оставим на время заботы.
Они никуда не уйдут.
Нам выдана райская квота.
Не где-то на небе, а тут.

К морю

Может быть, это просто усталость
Нас гнетёт, и пора отдохнуть.
До тепла две недели осталось.
Доживём и отправимся в путь.

И у моря, в аллеях тенистых,
Ощущать будем ласковый бриз.
И скользя в закоулках скалистых,
Мы отыщем дороженьку вниз.

Забредём тихо в волны прибоя,
Будем слушать, как галька шуршит.
Окунёмся, и море покоя
Смоет груз, что на сердце лежит.

И земли под собою не чуя,
Я в блаженстве закрою глаза
И представлю себе, что лечу я,
И от радости льётся слеза.

Для тревоги нет веской причины.
Впереди и простор, и покой,

Загорелые щёки и спины,
Опьяняющий ветер морской.

Истома

Дощатая лодка на глади пруда
Носом уткнулась в густые осоки.
Недвижимый воздух, недвижна вода,
Лишь в недрах струятся незримые соки.

Неслышно текут они в кроны деревьев,
Но листья поникли, не выдержав зноя.
И комары где-то спят, присмирив,
Всеобщего не нарушая покоя.

И неба высокого выцвела синь,
Белесое облако медленно тает.
И ты здесь замри, взгляд случайно не кинь.
Пусть всё в этом мире сейчас отдыхает.

В приятной истоме веки сомкни.
Откроется мир, недоступный для тела.
Душа воспарит, но расстаться они
Не смогут, куда бы она не летела.

Я – новый Робинзон

Мне нравится скольжение в воде,
Упругость струй, подхваченных рукою.
В морской стихии – я в своей среде.
Единство это не разлить водою.

Закрыв глаза, люблю я долго плыть,
Чтобы потом виденю удивиться.
Знакомых мест здесь нет. Не может быть,
Чтоб смог я к горизонту удалиться.

В такой дали был виден островок.
И вот он рядом, пеной окружённый.
Приблизился. Через прибой рывок.
И на песке мой след запечатлённый.

Я – Робинзон. Я – новый Робинзон!
На острове мне надо оглядеться
И убедиться – это всё не сон:
Пригом вода, и никуда не деться.

Мне ждать прилива два иль три часа,
И лишь тогда смогу на мол вернуться.

Ну, а пока, песчаная коса
Поможет к этой тайне прикоснуться.

Я – открыватель впадин и кустов,
Заливчиков, откосов и высоток.
Я снова фантазировать готов,
Хоть островок чуть больше шести соток.

Видать, не зря сюда я занесён,
Чтобы, как в воду, в детство окунуться.
Из пены выхожу, как заново рождён.
И мне туда, наверно, не вернуться.

Спешим

Всегда торопимся, спешим.
Боимся опоздать куда-то,
Нарушить слаженный режим.
Всё по тревоге, как солдаты.

Не поднимая взгляда, мчим
В детсадик, в школу, на работу.
И так до пенсии бежим,
Неся в себе, как груз, заботу.

Случается, вдруг мысль пронзит:
«Я в отпуске. Спешить не надо».
Но спешки нерв ещё дрожит,
И нет расслабленности взгляда.

И остаётся лишь в мечтах
Наш темп, дарованный природой.
Тот миг, когда исчезнет страх,
И называется «Свободой».

Тревога

Вновь один. Утром вышел во двор.
Дождь прошёл, на подобье грибного.
Синь промыта, щебечущих хор.
Отчего же на сердце тревога?

В сапогах, с рюкзаком на плече
Я шагаю. Знакома дорога,
Пролегает в густом кедраче.
А на сердце немая тревога.

Всё в порядке в семье, письма шлют.
Да и здесь ничего нет плохого.
Только мысли приют не найдут,
Да и сердце сжимает тревога.

Навалить бы работу рукам.
За делами растает тревога.
Общих мыслей не надо мозгам.
И насущных проблем слишком много.

Опыт есть. Надо просто устать,
Чтоб свинцом налились руки, ноги.

Пусть во сне снизойдёт благодать,
Отстранит все земные тревоги.

Стыд

Жизнь каждого из нас полна воспоминаний.
И я порой им безотчётно предаюсь.
Вот, будто бы во сне, идёт поток сознания,
Всплывает день один, которого стыжусь.

Лишь только потому, что я тогда подумал,
Что этот человек и есть тот самый вор.
Судил ведь я о нём по бедному костюму.
Бросает в жар меня, так стыдно до сих пор.

А он же мне помог: ревущего утешил,
Похлопал по плечу и сунул пять рублей.
Ссутулясь уходил, а я на миг опешил,
С пятёркою в руке стоял всё у дверей.

В голодный год, в толпе, меня обворовали.
Когда заметил это – целый мир померк.
Стоял я, а вокруг сновали и толкали.
Беду увидел он – тот самый человек.

Я от стыда тогда готов был провалиться.
Пусть только в мыслях промелькнуло – это вор.

Печальный взгляд его порой ночами снится,
И плохо мне, и в жар бросает до сих пор.

Страх

Ну, сколько можно опасаться,
Что худшее произойдёт.
Раз десять за ночь просыпаться
И чувствовать, как сердце бьёт.

Я сам в себе тот страх посеял
И должен сам его давить.
Но где бы, что бы я ни делал,
Не в силах страсти обрубить.

Так можно и беду накликать.
От страха я почти больной.
В висках хронометр начал тикать,
Шаги до грани роковой.

Уже я сам себе рисую
Кошмарный, жуткий эпизод.
Но вот – звонок! И я танцую.
Благоприятнейший исход!

Урок

Трёх мужикам никто не подстелил соломку,
Когда они взялись решать головоломку.

Ломали головы над ней и так, и сяк.
Казалось бы – ну не задачка, а пустяк:
Всего-то три сцеплённые детали.

И день, и два усердно колдовали.
Но не смогли их разделить никак.
А каждый-то мужик был не дурак.
Но в трёх деталях, как в трёх соснах, заплутали,
Хотя подробный план решенья составляли
И скопом, и в углу поодиночке.

Но тут она попала в руки дочке.
И та её легонько повертела.
– Ой! – вскрикнула, – мешать я не хотела.
Решила невзначай головоломку. –
Детали им дала, и отошла в сторонку.

А мужики сидят с квадратными глазами,
Дивятся, охают – как не смекнули сами.

А может, это свыше дан был им урок:

Мол, мудрость – не дрова, не заготовишь впрок.

Выдержка

(Басня)

Ножи не точены с тех пор, как их купили.
Но резать остреньким у нас здесь все любили
И исподволь смотрели на меня:
Когда же, наконец, возьмусь за дело я.

А я смотрел на них. Сказать вам честно:
«Кто первый дрогнет? Вот что интересно!»
Но выдержки хватало всем. Прошли года.
Тупыми резали ножами, как всегда.

Ножи зазубрились, погнулись, поржавели.
И мы состарились и ходим еле-еле.

Мораль проста:
кто ждёт, что дело сделает другой,
Того не красит выдержка.
Он сам, как нож, тупой.

Наставление

В игре с названием «Дурак»
Умнее стать нельзя никак.

А я надеялся, играл
И, кажется, тупее стал.

Тогда-то и сказал гуру,
– Другую выбирай игру.

Контрасты осени

Улетели уточки в тёплые края.
Пруд заледенелый весь, снег небытия.

Но детишкам весело, с горки кувырком,
Щёчки разрумьянились, гам и смех кругом.

Не гнетёт их сумрачный серый небосвод.
Ножкой смело трогают твердь застылых вод.

Что же так печалится сердце? Не пойму.
Знать контрасты осени мне не по уму.

Эти ночи длинные клонят землю в сон.
И никто не ведаёт, а проснётся ль он.

Синий ветер

Белый снег и черные деревья.
Синий ветер гонит стаи туч.
Тихая убогая деревня,
И мороз пронизывает жгуч.

Как бессильно Солнце перед ними:
Не согреет, не развеселит.
Слёзы вышибает ветер синий.
Хорошо, что колокол звучит.

Зима

Это выюга метёлкой пушистой
Заметает снежок под косяк,
Носит по двору снег серебристый,
Всю-то ночь не уймётся никак.

То без устали жмёт на стропила,
То протяжно в трубе загудит,
То обрушит небесные силы
Так, что горенка вся заскрипит.

И под выюги дыхание живое

Нас тревожные сны увлекут.
Ну, а вьюга постонет, повоет.
Вихри, сникнув, к сугробам прильнут.

А поутру – слепящее солнце
И такая глубокая тишь,
Что невольно замрёшь у оконца
И, зажмурясь, тихонько стоишь.

А потом, дверь с трудом отодвинув,
Очищаешь от снега крыльцо,
И, рубаху просторную скинув,
Выйдешь к солнцу и греешь лицо.

Весна

Какое счастье вдруг заметить
Весны чарующей приход!
В промытом небе Солнце светит,
Пичуга радостно поёт.

Сошли снега, и почернела
Земля, но видны тут и там:
Зелёной травки выброс смелый,
Вуаль листочков по кустам.

Всё тянется к теплу и свету.
Где ты, подснежник голубой?
Дурманит ландыш, значит лето
Идёт за быстрою Весной.

Когда внезапно дождь прольётся
И смывает хмурость всю с лица,
Как сердце радостно забьётся.
Прекрасной жизни нет конца!

Лето

Начало лета, краски сочны.
Благоухает пестрый луг.
Всё расцветает в час урочный.
Звенит пчелиный ход вокруг.

Тропой, заросшею травой,
Идём к изгибистой реке.
Простор небес над головою,
И бор сосновый вдалеке.

И жизни молодой укором
Огромный дуб, отживший век,
Раскинул ветви над простором,
Стоит, как вросший человек.

Но мы уже бежим к откосу.
Желтеют отмели реки.
Водовороты и утёсы,
И за кустами рыбаки.

В песочке чистом утопая,
К хрустальным струям мы спешим.

Как дети малые играем,
В воде резвимся от души.

Наш смех летит. А за рекою,
Могучей силой напоён,
Сосновый бор стоит стеною.
Нам чётким эхом вторит он.

Осень

День пришёл из осени
В сиянье голубом.
Словно город бросили
В зеркальный водоём.

Асфальт играет бликами,
Листва дрожит слегка.
А в небе стаи с криками
Плывут издалека.

За ними – тучи белые,
За ними – дождевые
Придут, начнутся серые
Деньки совсем другие.

Кировоградские пруды

Каскад прудов водой питает
Городня – скрытая река.
Они весь год не высыхают,
А лишь сужаются слегка,

Когда засушливое лето.
Их три. Срединный пруд большой,
Длиной за сотню метров где-то,
И метров пять так – глубиной.

Тот, что поменьше, зарастает
И ряской, и другой травой.
Для уток корма здесь хватает,
И даже крысе водяной.

А самый маленький и мелкий,
На треть заросший камышом,
В пологих склонах, как в тарелке,
Лежит, там уток, как в большом.

Туда и чайки залетают.
Вода вся утками кишит.

Когда на них собаки лают,
То уплывают в камыши.

Пруды все к лету населяют
Большие выводки утят.
Утята быстро подрастают,
И вот, гляди – уже летят.

Вокруг прудов – кусты, аллеи,
На склонах – мягкая трава.
Там ветерок от пруда веет,
Дрожит чуть слышная листва.

Нашли пристанище там птицы,
По берегам и на прудах.
В верховьях крон слышны синицы,
Внизу – воробушки в кустах.

И множество других пернатых,
Гуляя, можем наблюдать.
Видали голубей хохлатых.
Для всех сплошная благодать.

Не надо ехать за границу,
Коль здесь у нас оазис свой.
Своё есть всё, включая пищу,

Есть даже транспорт гужевой.

Живая музыка

Живая музыка природы
Ласкает утомлённый слух.
Журчат стекающие воды,
А шум машин далёк и глух.

Его почти не замечаешь,
Он тает в шелесте листвы.
Идёшь тропой и отдыхаешь
Вдали от суетной Москвы.

На счастье здесь ещё остались
Для сердца милые места.
Внезапно ветки закачались,
Там белка прыгнула с куста.

И всюду слышно птичье пенье,
Их лёгкий сказочный полёт.
Ты сам, себе на удивленье,
Уже поёшь, и лес поёт.

После дождя

Весенний дождь омыл наш сад
И освежил своим дыханьем.
Струится тонкий аромат,
Весь мир наполнен ликованием.

Листочки мокрые блестят,
И в каплях солнышки сияют.
Пичужки радостно свистят.
Детишки в лужицах играют.

Там озорно трягнули ветвь,
И водопадом окатило.
Такой от дождичка привет,
Чтоб веселее здесь всем было.

Под этим небом голубым
Никто не обделён участием.
Идём, а может быть, летим
На крыльях молодости, счастья.

Луч надежды

Дымы идут на юго-запад,
А значит, будет холодать.
За шиворот не будет капать,
Зима начнётся, благодать:

Снег заискрится, засверкает,
Наденет шубу зимний лес,
У дев румянец заиграет,
И нас накроет синь небес.

Зима не только испытанье,
Проверка крепости телес,
Это и праздник, и гулянье,
И изобилие чудес.

И долгой ночью новогодней
Мы вспомним, что уже сбылось,
И, по традиции народной,
Вновь загадаем на авось.

В сердцах не гаснет луч надежды.
Жизнь, как река, несёт вперёд.

Расцвёл бутон розово-нежный.
Не всё ль равно, какой нам год.

Зимнее настроение

Снега и льды, земля тверда, как камень;
Морозы всё сковали в монолит.
А здесь уют, в печи играет пламень,
И перебор гитарный говорит.

Он говорит, что есть другие страны,
Где под лучами солнца всё цветёт,
Туда плывут морские караваны,
Никто печальных песен не поёт.

Там люди просто впитывают солнце,
В одной руке кокос, в другой – банан.
И смотрят они не через оконце,
А прямо в небо или в океан.

Ах! Лучше бы звучала балалайка.
Она – не как гитара, а звончей.
Ей подпевала бы заливи́стая лайка,
И на душе бы стало веселей.

И всё же душу греет нам гармошка.
В ней всё родное: удаль и печаль.

Ну, что – согрелись? Скатертью дорожка,
На лыжи и – в заснеженную даль.

Весеннее настроение

В душе – весна, а за порогом слякоть.

В мечтах – цветы и солнечный салют.

А за окном сосульки стали плакать,

И стайки воробьёв в снегу снуют.

Природе не догнать душевного порыва.

Весна – в глазах, в улыбках на ходу.

И все, как будто, ждут прекраснейшего взрыва

Цветов и трав, и запахов в саду.

И нас она, конечно, не обманет.

Весна придёт, как праздничный наряд.

И каждый – на сто лет моложе станет.

И девушки на платьях полетят.

Летнее настроение

Расслабленность и разморённость
Принёс расплавленный июль.
В глазах – от жизни отстранённость,
И в голове – полнейший нуль.

Сейчас забиться бы в тенёчек
И дотерпеть до темноты.
Один бы пасмурный денёчек,
А то умрём от духоты.

Не зря всех в отпуск выгоняют.
От нас ведь пользы – никакой.
В июле интеллект теряют
Все, даже если он большой.

Как мог бы вкалывать рабочий,
Если расплавлен инструмент?
Вот так и мозг мыслить не хочет,
Будь трижды ты интеллигент.

И в этом есть своя загадка –
Зачем стремимся мы на юг?

Пустынный берег и палатка,
И солнце жарит, как утюг.

Инстинкт влечёт к первоистокам.
Ведь предки вышли из воды.
И север хоть у нас под боком,
Но тянет всё-таки сюды.

Осеннее настроение

Всего полно в садах и огородах.
Обилие во всём, куда ни глянь.
Щедра наша российская природа,
Да почему-то жизнь сплошная дрянь.

Народ уже, как липку, ободрали.
Другой – давно бы скинул эту власть.
А наш-то раскачается едва ли.
Хоть всякий мыслит – как бы не пропасть.

Откуда рассужденья появились?
А всё от изобилия, друзья.
Мы осенью наелись и напились,
И что, пофилософствовать нельзя?

Поэтому-то власть и прижимает,
Чтоб людям было некогда вздохнуть.
Пусть каждый в одиночку выживает.
А их забота – лишь не перегнуть:

Налог на огороды и усадьбы,
И на сады, конечно, на жильё;

Ещё можно ввести налог на свадьбы;
И надо амнистировать жульё.

Тогда взойдёт заря капитализма.
И каждый будет другу серый волк.
Поставили всем нам большую клизму
И ждут, что из народа выйдет толк.

Стеклянные отношения

Внешне выглядят прилично.
Замечательная пара.
Отношения отличны,
Отшлифованы пиаром.

Но они всегда холодны,
Как застывшее стекло.
Говоря простонародно,
Всё живое утекло.

Холод их разъединяет.
По углам своим сидят.
Всяк по-своему страдает.
Лишь зубами не скрипят.

Так и будут жить до смерти,
Разделённые стеклом.
Ни любви, ни зла, поверьте,
Не зачтётся им потом.

Ласковой будьте

Не ладное что-то творится вокруг.
И это, заметьте, случилось не вдруг.

И люди в общении стали грубей,
А дома истерики, слёзы детей.

Повсюду прижился цинизм деловой.
В азартные игры ушли с головой.

И сердце у многих взялось барахлить,
И стало тоскливо, безрадостно жить.

В СМИ журналисты забили тревогу.
Тут же наука пришла на подмогу:

Над мышками опыты там провели,
И корень всех бед наших всё же нашли.

Для жизни нормальной всем ласка нужна.
Без ласки и людям и мышкам – хана.

И если отринуть хоть часть всяких дел,

То можно восполнить нам этот пробел.

Поласковой будьте! Наука права!

И истина эта, увы, не нова.

Красавицы

Красавицы по-своему несчастны.
Счастливую – увидите не часто.
Где им найти достойного супруга?
Поклонников полно, но нет лишь друга.

Вон у других – уже семья и дети.
А эти всё кружатся в шумном свете,
Хоть свет тот и бездушен, и жесток.
Там все равны – счастлив ли, одинок.

Без мудрости не вырваться из круга
И не найти достойного супруга.
А многим не наскучил светский шум.
К их красоте – ещё бы светлый ум.

Венец совершенства

Живая природа всегда и везде совершенна.
Ведь временем в прах перемолото всё, что не так.
А жизнь, как свеча, всё горит и горит во вселенной.
Её не угасит холодный безжизненный мрак.

И нас удивляет, как всё гармонично и стройно,
И как же прекрасна земля, на которой живём.
Живая природа и красочна и многослойна.
Растительный мир для людей и животных как дом.

И если представить из этих слоёв пирамиду,
То надо поставить людей на вершину её.
И там, на верху, мужичьё будет делать корриду,
А девицы – рыться в нарядах и мерить тряпье.

Но всем же понятно, что это лишь горькая шутка.
Взойти на вершину нельзя без потерь и труда.
Там женщина будет кормить и баюкать малютку,
И будет венцом красоты для мужчины всегда.

Зелёное

Зелёный солнечный денёк
В зелёный мир меня увлёл,
Где изумрудная трава
И рощ могучих дерева,
И зелень сосен в высоте.
Весь мир в зелёной красоте.

Иду зелёною тропой,
Такой зелёный, молодой.
И мир меня принять готов
В объятия сказочных садов,
Где свист зелёных райских птиц
И множество счастливых лиц.

Ну, не Земля – Эдемов сад,
Где каждый мил и жизни рад.
Там пьют целительный нектар –
Земли и Солнца людям дар.
Он льётся через зелень крон.
Сегодня я во всех влюблён.

Золотое

Где сила, власть и божество,
Где зло, насилья торжество,
Там рядом – золотой телец,
Там справедливости конец.

В дворцах, снаружи и внутри,
Где утверждают власть цари,
Сверкает золото во всём.
Какая тайна скрыта в нём?

А тайны никакой и нет.
Где на торговлю есть запрет,
Там в золотые безделушки
Играют дети, как в игрушки.

А где торговый договор,
Там к золоту стремится вор.
Тиран сидит на сундуках,
И власть тогда в его руках.

Вернуть металлу естество
Не сможет даже божество.

Но прежней силы в злате нет.
Тому виною Интернет.

Идёт торговля вся в сети.
Вот так от золота уйти
Смогли уже почти везде.
Умы пророчат – быть беде!

Но золота в том нет вины,
Хоть предрассудки и сильны.
А мы забудем всё плохое
И скажем – время золотое.

Рассказ пилота о катастрофе

Предисловие

Не скажу, что я везучий,
Но и мне, на этот раз,
Выпал необычный случай,
И, как будто, на заказ.

Занесло меня не в гости
И не к теще на блины,
Подлечить немного кости
Я приехал с целины

В наш подшефный санаторий.
Прибыл сам, на двух ногах.
Оказался вблизи моря,
Ну, буквально, в двух шагах.

Опасался, что на пару
Мне поделят храпуна,
Иль кого-нибудь с гитарой,
Или пьяницу, вруна.

А пришёл спортивный малый
С сединою на висках.
Видно, человек бывалый,
Да и сила есть в руках.

Я ещё тогда подумал:
– Ничего себе, больной. -
Но нас сразу сблизил юмор.
Оказался парень свой.

Он представился: – Медведь я,
По профессии – пилот,
Ну, а имя – Пётр иль Петя.
Это, как у нас пойдёт. -

И пошло у нас по Пете,
Ведь не молод я уже.
Повидал всего на свете,
На последнем рубеже.

А вот то, что рассказал он,
Вряд ли кто из нас слышал.
Хотя в жизни всё бывало,
Да не всякий там бывал.

Я – его охотно слушал.

Он – всё вновь переживал
И, рассказом этим, душу,
Мне казалось, облегчал.

Ну, а ласковое море
Уврачует хоть кого.
Он к себе уехал вскоре,
А за мной – рассказ его.

Катастрофа

(рассказ первый)

Я всегда мечтал о небе
И во сне даже летал.
Хоть отличником и не был,
Но в училище попал.

Ну, а после, командиром
Сразу ведь и не возьмут.
С новым лётческим мундиром
Служишь там, куда пошлют.

Я на север был направлен.
Там освоил самолет.
Командиру был представлен,
Как его второй пилот.

А реально, я и штурман,
И ещё бортпроводник.
Такелажником халтурным
Тоже быть я не привык.

Делал то, что полагалось,
Да и часто сверх того.
Всё лишь в памяти осталось.
Был корабль, и нет его.

Разовый полёт на прииск
Совершал наш самолёт.
Путь не дальний и не близкий.
Мы летим – душа поёт.

Красота, и день погожий.
Озерцо вдали блестит.
Рейс на сто других похожий.
Ровно двигатель гудит.

Вдруг услышал перебои.
Тишина. Мотор заглох.
Непонятно, что такое.
Был он ведь всегда не плох.

Все попытки – нам в убытки.
Раз чихнул мотор, другой.
В своих действиях ошибки
Не нашёл я никакой.

Вспоминаю вновь и снова
Те мгновенья, как сейчас.
Командир для нас – основа,
Его слово, как приказ.

Передал координаты,
Мол, снижаемся на лес.
Ни поляны нет, ни хаты.
До воды, как до небес.

– Пристегнуться для посадки, -
Он в салон передаёт.
– Скорость, как у нас? В порядке?
Может нам и повезёт. -

И под нами вдруг сверкнула
Незаметная вода.
Громыкнуло и трянуло,
И мы плюхнулись туда.

Утонули от удара,

Всплыли. Держит самолёт.
Из кабины, с ним на пару,
Проломил вверх проход.

Пассажиров из салона
Выводили, и – наверх.
Живы все, хоть оглушены.
Это – главный наш успех.

Командир последним вышел.
Видим – к берегу плывут.
Кто быстрее, а кто тише.
Машут нам, к себе зовут.

Мы за ними. Обернулись.
А за нами лишь вода.
Волны тихие сомкнулись.
Не осталось ни следа.

Добрались все, обессилов,
Мокрые. Колотит дрожь.
Ведь приплыли в том, в чём были.
А кругом лес – не пройдёшь.

Отжимаем мы одежду.
Делать что? В глазах вопрос.

Нам нельзя терять надежду.
С паникера, какой спрос.

Просим прекратить рыдания,
И стенания ни к чему.
Слабость здесь, как наказание,
Не поможет никому.

А один из пассажиров
Веточек сухих собрал.
И хоть всюду было сыро,
Огонёчек заиграл.

Зажигалка пригодилась.
Мы стоим вокруг костра.
Солнце к вечеру клонилось.
Осмотреться нам пора.

Восемь душ, стоим, вздыхаем.
Сколько нам спасенья ждать?
Чем же мы располагаем,
Чтоб себя сейчас спасти?

Есть аптечка. Прихватили.
Зажигалка, три ножа.
Карта местности. Мобильник.

Только связи ни шиша.

Шлема два, мы в них приплыли.

Повезло на этот раз.

В них мы воду кипятили.

Небольшой съестной запас.

И ещё одна удача.

Лупа, в куртке у меня.

Значит, решена задача

Добывания огня.

Было б солнце... Нам досталось

В этот день, как никогда.

Навалилась вдруг усталость.

Но усталость – не беда.

Принялись мы там, где суше,

Шалаши сооружать.

Днём тепло, а ночью хуже.

Не во сне же замерзать.

Жизнь пошла, как испытанье.

Но об этом – в другой раз.

Не заменит нам купанье

Самый красочный рассказ.

Командир

(рассказ второй)

Командира добрым словом
Долго будем вспоминать.
Но тогда, в плену еловом,
Лидером не смог он стать.

Слишком он прямолинеен,
Твёрд, как камень, и суров.
Ладно сшит и крепко склеен,
И к заданию готов.

И хоть были на земле мы,
Вёл себя, как командир.
Он привык решать проблемы
Без запинок и задир.

А всего-то подчинённых,
Только я и был один.
Для несчастных тех, спасённых,
Нет начальства и старшин.

Командиру было туго,
Но себя он не жалел.

И опять его заслуга,
Что никто не заболел.

Он в лесу нашёл коренья,
Дал нам гадость ту жевать.
Так простуд и отравленья
Удалось всем избежать.

Но с людьми не мог он ладить.
Слабость их не понимал.
Ни утешить, ни погладить
Он не мог, а лишь молчал.

А что скажет, как прикажет.
Из почтения к нему
Ни один ведь не откажет.
Нам конфликты ни к чему.

Но была одна заминка.
Не сработал его вес.
Срезать волосы Даринка
Отказалась на отрез.

Он сплести задумал сети.
Из чего? Возник вопрос.
У Дарины косы – плети.

Вот бы сети из волос.

Эти волосы Дарина
Подарила всё же нам,
Когда ласковый мужчина,
Погуторил по душам.

Оказался на отлёте
Командир на этот раз.
И вздыхал о самолёте.
Вот такой о нём рассказ.

Лидер

(рассказ третий)

С нетерпением мы ждали
Поисковый самолёт.
Постепенно осознали –
Скоро помощь не придёт.

Все глаза мы проглядели,
Непрерывно жгли костры,
А когда запасы съели,
Стали есть тайги дары.

Ели всё, что находили,

Но и тут, не всем везло.
Мы уже едва ходили,
И желудки подвело.

Вот тогда-то деловито
Обустривать наш быт
Стал Иван Петрович Ситов,
Пусть же Бог его хранит.

Насрезал он гибких прутьев
И мордуши стал плести.
Первую, на третьи сутки,
Смог он в воду завести.

Какова же была радость,
Видеть первый наш улов.
Понемножку всем досталось.
Мы воспряли, нету слов!

Тот успех нам, как награда.
А Иван всем говорил,
Если трудно, то не надо.
Если можешь, то просил:

Женщин, чтоб плели мордуши
И готовили еду,

А меня – бродить по суши
И сушняк тащить к костру.

Всё прилежно, всё уместно.
Попросил построить плот.
Хорошо бы сплавать к месту,
Посмотреть наш самолёт.

Командир аж загорелся.
Дня четыре делал плот.
Самолёт не в бездну делся,
Может, что и извлечёт.

Жаль, извлечь из самолёта
Ничего не удалось.
Но плавсредство, это что-то.
По душе ему пришлось.

На плоту, как в самолёте,
Командиром ощущал.
Плавал сам, был на отлёте,
Никому не доверял.

На плоту мордуши ставил,
Сам уловы извлекал.
И Дарину он оставил,

Больше ей не докучал.

А Иван Петрович с лаской
Всё ж Дарину убедил.
Косы срезала с опаской,
Хоть ревела, нету сил!

И сама потом сидела
Из волос сачок плела.
И с артистом песни пела.
И улыбочивой была.

Всё естественно сложилось,
Всем нашёл Иван дела.
Все к нему, чтоб ни случилось.
В общем, жизнь у нас пошла.

И спокойствие, и воля,
И внимание ко всем.
По природе лидер, что ли.
И не спорил он ни с кем.

Поисковые работы
Возглавлял, приборы вёз.
Он и здесь наши заботы
Разрешал всегда всерьёз.

Собой видный был мужчина,
И высокий, и плечист.
Его слушалась Дарина,
Хоть он был и не речист.

Уверял, и не напрасно,
Что спасение придёт...
Провели мы день прекрасно,
И уже нас ужин ждёт.

Мать

(рассказ четвертый)

Больше всех нас пострадала
От ушибов, это мать.
В основном, она лежала,
Изредка, могла вставать.

С дочерью своей, Дариной,
Проводила целый день.
Та ей разминала спину
И плела лежак-плетень.

Повторяла: – Мама, мама! -
И для нас она, как мать.

А раз мама, то мы прямо
Так её и стали звать.

Не стонала, не просила,
Как бы ни пришлось страдать.
Находила всё же силы,
Чтобы дочку утешать.

Скажет ласковое слово,
Приголубит, всё же мать.
И Дарина может снова
Улыбаться, напевать.

С добротой и пониманьем
Относилась к нам она.
Окружила всех вниманьем,
Не вставая с топчана.

Станет муторно и гадко,
К ней подсядешь вечерком.
Ну, не женщина – загадка,
Всё-то знает обо всём.

Вспомнит, был такой-то случай,
И рассказом увлечёт.
Хочешь, спорь, не хочешь, слушай,

Но тебя рассказ приймёт.

И ты сам ей, без утайки,
Всю-то душу изольёшь.
Вроде бы пустые байки,
А не просто всё – поймёшь.

Исподволь она подводит
К незаметной нам черте.
И от этих тем уходит,
Оставайся в правоте.

А потом и ты приходишь –
Всё-таки права она.
Сам суждение выводил,
Будто снята пелена.

И ещё, скажу по чести,
Всем нам нравилась она.
Её голос, её речи,
Как бальзам, сильней вина.

Помню, как-то раз случилось
Задремал наш костровой.
Время к вечеру клонилось,
И огонь угас, хоть вой.

А прохладно было, гнусно,
То есть, жрал проклятый гнус.
И в мордушах было пусто.
Командир жевал свой ус

И хотел на кострового
Обратить свой страшный гнев.
Отчитать его сурово.
Тот согнулся, присмирив.

Мать смогла, по-матерински,
Тот конфликт спокойно снять.
По-людски, а не по-свински,
Командира гнев унять.

И сказала: – Хорошо вам,
Вон, какая борода!
С ней-то можно быть суровым,
А нас жрут, как никогда.

Завтра будет день погожий,
И огонь мы разожжём,
А сегодня сажай рожи
Размалюем и уснём. –

Мы, признаюсь, любовались –
Всё прекрасно было в ней.
Вот поэтому старались
Ей всё сделать половчей.

Удивительное дело,
И не думал, не мечтал,
Без натяжки скажу, смело,
Видел женский идеал.

И теперь я с ней ровняю
Этот самый женский пол.
Как всё сложится? Не знаю.
Но купаться я пошёл.

Дочь

(рассказ пятый)

Про её отца, я слышал,
Что начальник он большой,
Из семьи крестьянской вышел,
Дочь лелеял всей душой.

С матерью к нему летела
Свою радость разделить.
Молодец, сама сумела

В вуз столичный поступить.

И затем, перед учебой,
С мамой ездила на юг,
Отдохнуть, окрепнуть чтобы,
Раньше было недосуг.

Они обе загорели,
Южный виден ведь загар.
Налегке к отцу летели.
Но настиг их тот удар.

Всех спасло тогда везенье.
И Дарина мать спасла.
Ведь у той – ушиб, раненье.
Сама вряд ли б доплыла.

Ей от матери досталась
Несравненная краса.
Только жаль, в тайге осталась
Её дивная коса.

Но зато сачок отменный
Из волос она сплела,
Самый необыкновенный.
И пошли у нас дела.

Для мордуш мальков ловили.
Не об этом сейчас речь.
Мы в земле соорудили
Хоть какую-то, но печь.

И с учительницей нашей
Всем готовила еду.
Но кормили нас не кашей,
А варили лебеду.

Или что-то там другое
Из кореньев, трав, грибов.
Ну, а главное «жаркое»
Составлял весь наш улов.

Всё без специй и без соли,
Но пропахшее дымком.
Есть не хочешь, не неволят.
Наверстаешь вечерком.

Может быть, то испытанье
Ей на пользу и пойдёт.
Избаловано создание –
Что не так, уже ревёт.

Кожа вспухла от укусов,
Расчесала до крови.
И еда наша не вкусна.
Ну, раз так, сиди, реви.

Мы ссылались на французов,
Мол, лягушек те едят.
Так узнаем, что за вкусы
У пижонистых ребят.

Но она не понимает,
Сжалась вся в один комок.
Только мать её ласкает.
Да и кто бы это смог.

А ведь маме тяжелее.
И другим, разве легко?
Но Дарину все жалели.
Её горе велико.

Видно, выше сил досталось
Испытанье для неё.
Воли нет терпеть усталость.
Спасло Ситова чутьё.

Он сказал: – Ты спой, Дарина.

Так приятен голос твой.
К нам летел один мужчина.
Пусть талант покажет свой.

Здесь он нам ещё нужнее,
Чем в налаженном быту.
Все артисты петь умеют.
Пусть разгонит скукоту.

А мы тоже, как сумеем,
Подпоём, развеем грусть.
С песней будет веселее,
Пересилим эту гнусь. —

Ну, и как же они пели,
Хоть дуэтом выпускай!
Мы притихшие сидели,
Только слушай, не мешай.

Песнями она спасала
Всех, но больше же себя.
И улыбчивою стала,
Через песни, всех любя.

Вот такие повороты
Наблюдали мы тогда.

А сейчас не те заботы,
Ждёт нас вкусная еда.

Учитель

(рассказ шестой)

Был у нас когда-то в школе
Замечательный урок
Про озёра, лес и поле.
Но пошёл урок не впрок.

Мы природу знаем мало,
И инстинкт у нас не тот.
С голодухи, что попало
Можем сунуть себе в рот.

Хоть природа и родная,
Но, наверно, не для нас,
А тому, кто её знает
И не даст себе пропасть.

И другим с ним не погибнуть.
Благодарен будешь век.
А по жизни, если вникнуть,
Это скромный человек.

И таких людей немало.

Незаметен, тих, простой,
А невзгодушка напала,
Глядь, а он-то, ведь, герой.

Вот и нам был дан спаситель,
Отстранитель многих бед -
Сельский рядовой учитель
И, она ж, природовед.

Своё дело она знала,
Убедились мы, на пять.
И советы нам давала,
Что полезно собирать.

Как детей, она учила
Нас природу понимать.
С нею интересно было
И ходить, и наблюдать.

Всем запомнится навечно
Этот жизненный урок.
Раз мы живы, то конечно,
И урок пошёл нам в прок.

Как она преображалась,
О тайге ведя рассказ,

И от счастья смеялась,
И смущалась, всякий раз.

Ходит, радуется тихо,
Будто снова родилась.
Позади – такое лихо,
И она живёт, светясь.

В центре нашего вниманья
Оказалась вдруг она,
Незаметное созданье,
А теперь вот, всем нужна.

Помню, часто так бывало,
У мамыши на глазах
Некрасивая сияла,
А красавица – в слезах.

Кто из них будет счастливей,
Невозможно предсказать.
Там, где жизнь течёт бурливей,
Трудно скромных замечать.

А в посёлке, дом отдельный.
И у всех ты на виду.
Там ведь ценят женщин дельных,

В жёны запросто возьмут.

Вот поэтому, наверно,
И неслась в такую даль
От шумливой жизни скверной,
От московских, бойких краль.

Только жаль, на дне остался
Весь её нехитрый скарб...
Ох! я долго не купался.
Близок солнечный удар.

Строитель

(рассказ седьмой)

Мы с рассветом просыпались,
Спать ложились с темнотой.
Днём дровами запасались,
В ночь дежурил костровой.

Всё надеялись и ждали,
Что заметят огонёк.
И, признаюсь Вам, устали,
Измотались мы чуток.

Только этого не скажешь

Про Семёновну, она
Целый день, пока не ляжет,
Будто бы заведена.

И сушняк к костру таскала,
И готовила еду,
Для мордуш лозу срезала,
Даже ела на ходу.

– По другому не умею.
Я же сдельщицей была.
Поработаешь быстрее,
Глядь, и денежка пошла. –

Её сила и сноровка
Пригодились там, в глуши.
Как строитель, быстро, ловко
Возводила шалаши.

От стоянки отдалялась
Без боязни на версту.
С просьбой к Ситову цеплялась:
– Я за помощью пойду. -

Он показывал ей карту:
– Ну, куда же ты пойдёшь?

А потом, тебя – бунтарку,
Как одну в тайге найдёшь.

Больше сотни километров
Непролазного пути.
Лучше здесь, в период светлый,
Вокруг озера пройди.

От воды не удаляйся,
И не двигайся бегом.
На ночь там не оставайся,
Возвращайся вечерком. -

Кажется с попытки третьей
Его всё же обошла,
Да ещё в своём берете
Нам бруснику принесла.

Были кстати витамины.
И Семёновна – герой.
В день рождения Дарины
Получился пир горой.

А обычно поддевала
Эта женщина её.
Слабость той не понимала

И кривилась на нитьё.

Широка и коренаста,
И крепка, как тот орех.
Поглядишь, и станет ясно —
Здоровее она всех.

В ледяной воде плескалась.
Восхищаюсь до сих пор.
И во всех делах старалась.
Ну, ни баба, а мотор!

В отпуск к матери летала.
На работу бы пора.
Да, вот так, в тайге застряла,
Гнуса кормит, комара.

Здесь же этих кровопивцев,
Что-то я и не видал.
Позавидуешь счастливым...
Жарко, в воду пошагал.

Артист

(рассказ восьмой)

Без артиста было б скучно,

Хоть он и не юморист.
А по мне, так даже лучше,
Что он в хоре был солист.

Жаль, баян в воде остался.
Горевал: – К нему привык.
Двадцать лет я с ним скитался. –
В общем, ничего мужик.

Может быть и выпивоха,
Без согреву, весь дрожал.
Но держался он не плохо
И работу выполнял.

Правда, как-то неумело.
Нет сноровки у него.
И, почти, любое дело
Он не знал начать с чего.

Да, к тому же, был левшою
И подслеповат слегка.
Пальцы нежные о хвою
Уколол, болит рука.

Говорю: – Небось, и дома
Ты гвоздя не забивал?

– Это точно. У знакомых
И в гостиницах живал. –

Неприкаянность в привычку
И в утро его вошла.
Он и здесь меланхолично
Наблюдал, как шли дела,

Ничему не удивлялся,
Горло майкой обмотал,
От костра не отдалялся,
На огонь смотрел, молчал.

Скучно было нам вначале.
Что здесь может музыкант?
Мы тогда ещё не знали
Про его большой талант.

– Велика наша утрата, -
Ситов как-то проворчал, -
Но не гоже жить, ребята,
Так, чтоб каждый здесь скучал.

В катастрофе уцелели,
А умрём здесь от тоски.
Ну, девчата, вы бы спели.

Что молчим, как бирюки?

Мы подтянем, если сможем.
Начинай, артист, встряхнись.
На тебе две новых ложки,
Будешь в такт бить, баянист. —

И тогда, без просьбы новой,
Наш артист, вздохнув, запел.
Над чащобою еловой
Чистый голос зазвенел.

Пел какие-то былины.
Я так чуть не зарыдал,
Слушая напев старинный.
За сердце он крепко взял.

А когда затихло пенье,
Опустилась тишина.
— Божий дар — твоё уменье.
Ублажил нас, старина, —

Так растроган был наш Ситов,
Что лишь мог ещё сказать,
— Ты же, просто, наш спаситель.
Как ты мог столько молчать. —

И пошло житьё под пенью,
И без всяких фонограмм.
Только было сожаленье,
Что для горла нет ста грамм.

У костра артист с Дариной
Стали лежаки вязать.
Он тянул напев старинный,
Она стала подпевать.

Под аккомпанемент ветровой
Только так и можно петь.
Никакой мотивчик новый,
Вряд ли, мог здесь, кто стерпеть.

И над водною равниной,
Как две птицы, голоса:
Его – мощный и былинный,
Её – чистая слеза.

И в лесу замрёшь, бывало,
И забудешь обо всём.
В той глуши уютней стало.
Нелегко, а мы поём.

Увлекли воспоминанья...
Процедуры подождут.
Главное для нас – купанье.
К морю – главный наш маршрут.

Спасение

(рассказ девятый)

На четвёртую неделю
Нас заметил самолёт.
Убедился, что мы целы,
И привет послал пилот.

С новой силой зазвенела
В нас какая-то струна.
И душа сама запела
Так, как будто спасена.

А на третий день, над нами
Круг дал гидросамолёт.
И потом ещё кругами
Нужный выбирал заход.

Мы с волнением глядели,
Но посадка удалась.
Слёз сдержать мы не сумели.

Обнимались все, смеясь.

На спасательном понтоне
Разместили мать и дочь,
И меня, в передней зоне,
Чтобы смог им там помочь.

Удаляясь, мы смотрели
На обжитые места,
На дымок костра, на ели.
Всё ж, какая красота:

Шалаши, навес еловый,
Изгородь, два погребка,
Небольшой причал жердёвый,
Покосившийся слегка.

По краям лежат мордуши.
Виден воткнутый сачок,
Плот приподнят для просушки.
В общем, райский уголок.

Мы забыли и про холод,
Про укусы рук, лица,
И про нестерпимый голод,
Про тревогу без конца.

Сделали ещё две ходки,
И теперь все на борту.
До предела сели лодки.
Груз под самую черту.

Был разгон у нас тяжёлый,
Но машина вверх пошла.
Выглянул пилот весёлый:
– А у вас тут, как дела? –

А у нас опять тревожно,
Что-то впереди нас ждёт.
Столько дней в плену таёжном,
И погиб наш самолёт.

Но Иван Петрович Ситов
– Успокойтесь, – говорил,
– Понапрасну не тряситесь
И не тратьте столько сил.

Долетим вот, приземлимся,
И на месте всё поймём.
Сытной пищей насладимся.
Главное, что мы живём. –

В этом есть своя загадка.
Нас случайности свели.
И пришлось всем нам не сладко,
А вот выжили, смогли.

Мы в тайге почти сроднились
И узнали, кто почём.
Все таланты проявили,
Все уроки извлечём.

И кто, где теперь, не знаю.
Разлетелись по домам.
Но, как только засыпаю,
Всё ещё, как будто там.

Эпилог

Вот какое совпадение:
Подошёл к концу рассказ,
И закончилось лечение.
По домам отправят нас.

Мы неспешно собирались.
Взял Пётр ножик и сказал:
– Им лопаты вырезались,
Ложки, рыбу очищал.

Без него пришлось бы скверно,
Ну, почти, как без огня.
Вот поэтому, наверно,
Есть и лупа у меня.

– А в чём соль всего рассказа?
Ты уж мне сказать изволь.
– Мы не ссорились ни разу.
А вот в этой банке соль.

Своя кривая колея

Ничто не ново под луною.
А для меня – всё в первый раз.
И всё пережитое мною –
Это мой жизненный запас.

В нём столько жизни накопилось,
Гораздо больше, чем прожил.
В нём вся вселенная вместилась.
Как это только мозг вместил?

Но всё плохое отторгаю.
Ведь были голод и война.
Любовь и радость вспоминаю,
И маму с братом у окна.

И лето, солнце, галок крики.
Стоит с водой огромный таз.
Играют солнечные блики.
За печкою купают нас.

Таких моментов и событий
Огромнейший скопился слой.

Из многих маленьких открытий
Вот так и рос мой мир большой.

От этих детских озарений,
До всеобъемлющих картин.
От первых робких размышлений,
До дерзких творческих вершин.

Вот эту жизнь прожить не сможет
Никто! Ведь это жизнь моя!
Так каждому всего дороже
Своя кривая колея.

Благодать

Отчего так на сердце легко?
Весь бездонная залита светом.
Я душой воспарил высоко
И свободно лечу в свете этом.

Вся земля обновляет убор,
Многолиственный, с вешним узором,
Смотрит в небо глазами озёр,
Синь вбирая, прекраснейшим взором.

Отчего на душе благодать?
Может это со счастьем свиданье,
Чтобы в жизни обыденной знать,
Что земной путь – не только страданье.